

ВАЛЕРИЙ С. ШЕВЧЕНКО

МВШСЭН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-5040-8897

После метода — только гипер-Хаос: ограничения теории социологического метода Джона Ло

doi: 10.22394/2074-0492-2021-4-169-183

Резюме:

В статье обсуждается проблема контингентности в теории метода Дж. Ло и ее теоретические импликации для социальной теории. Теория метода Ло предлагает использовать в качестве легитимного источника социологического знания любой чувственный или познавательный опыт исследователя — телесные ощущения, эмоции и др. — наряду с классическими социологическими методами. Подобная методология вытекает из метафизических предпосылок Ло о том, что классические методы не схватывают «текущие» и изменчивые реалии социального мира, фиксируя лишь их часть. Согласно Ло, чтобы познать «текущие» реалии, нужен гибкий метод, не регулируемый нормативно, то есть, не отвергающий одни формы получаемых данных в пользу других как нелегитимные и «ненаучные». Устранение нормативности научного метода удваивает проблему контингентности — теперь не только знание становится контингентным миру, но и способ его получения контингентен ситуации исследования, поскольку в каждой конкретной ситуации релевантными будут разные методы, а не несколько широко принятых. Проблема подобного теоретического хода заключается в том, что он укореняет познание в субъективности, делая его результаты зависимыми от нее. Это означает невозможность общей науки о социальном, ведь нет процедуры, гарантирующей легитимность данных как релевантных и научных. Чтобы разрешить это противоречие, автор статьи обращается к идеям К. Мейясу об абсолютизации контингентности, говорящим, что лишь математизация знания способна обеспечить несводимость познания к субъективности. Это означает, что единственный логичный способ разрешить противоречие теории Ло — вернуть нормативность, причем в жесткой математической форме. Подобный ход вызывает вопрос о возможности и существующих

169

Валерий Сергеевич Шевченко — преподаватель факультета социальных наук МВШСЭН, аспирант Школы философии и культурологии НИУ ВШЭ. Научные интересы: философия социальной науки, философия когнитивной науки, социальная онтология, эволюционная теория игр. E-mail: valerii.s.shevchenko@gmail.com

попытках математизации теории социологии, а не только ее методов. Этот вопрос кратко обсуждается в конце статьи.

Ключевые слова: эпистемология, социологический метод, контингентность, корреляционизм, математизация социологии, акторно-сетевая теория, реализм

Valerii S. Shevchenko¹

MSEES, Moscow, Russia

After Method there is only Hyper-Chaos: limitations of John Law's Theory of a Social Science Method

Abstract:

The article focuses on the problem of contingency in John Law's theory of sociological method and its theoretical implications for social theory. The theory proposes to use as a legitimate source of sociological knowledge any sensory or cognitive experience of a researcher—bodily sensations, emotions, etc.—along with classical sociological methods. Such a methodology follows from Law's metaphysical premises that classical methods do not grasp the “fluid” and changeable realities of the social world, capturing only a part of them. According to Law, in order to know the “fluid” realities, a flexible method is needed that is not regulated by normative means; that is, a method that does not reject some forms of data obtained in others as illegitimate and “unscientific.” The elimination of the norms of the scientific method doubles the problem of contingency — now not only knowledge becomes contingent to the world, but also the way to obtain it becomes contingent on the situation of research, since in each specific situation different methods will be relevant. The problem with such a theoretical move is that it roots knowledge in subjectivity, making the former dependent on the latter. This means the impossibility of a general science of the social guaranteeing the legitimacy of the data as relevant and scientific. To resolve this contradiction, the author of the article refers to the ideas of Quentin Meillassoux on the absolutization of contingency, arguing that only the mathematization of knowledge can ensure the irreducibility of knowledge to subjectivity. This means that the only logical way to resolve the contradiction of Law's theory is to get normativity back into a rigid mathematical form. Such a move raises the question of the possibility and attempts to mathematize sociological theory, and not just its methods. This issue is discussed briefly at the end of the article.

Keywords: epistemology, sociological method, contingency, correlationism, mathematization of sociology, actor-network theory, realism

170

---

1 Valerii Sergeevich Shevchenko — lecturer at the Faculty of Social Sciences at the Moscow School of Social and Economic Sciences, postgraduate student at the School of Philosophy and Cultural Studies at the Higher School of Economics. Research interests: philosophy of social science, philosophy of cognitive science, social ontology, evolutionary game theory. E-mail: valerii.s.shevchenko@gmail.com

Введение

Споры о том, какой должна быть эпистемология и методология социологии, имеют длинную историю. С самого их начала они движимы идеей о неопределенности предмета социологии и оснований его выделения [Boudon 1980]. Должна ли социология иметь дело с фактами и числами, как это есть в работах раннего Дюркгейма, неопозитивистов Лазарсфельда и Коулмена и в современных прикладных исследованиях? Или же ее предназначение заключается в анализе «качественных» данных, как это есть, прежде всего, в работах символических интеракционистов?

Подобные вопросы наводят на две мысли: во-первых, что неокантианская проблема отнесения социологии к региону «наук о духе» или же к региону «наук о природе», поставленная на заре развития социологии, до сих пор не решена [Розов 2008], а во-вторых, что в подобное вопрошание уже встроена нормативность. Проблема отнесения социологии к одному из регионов производна от проблемы нормативности, поскольку отнесение изначально было необходимо для ее признания и институционализации. Иначе говоря, некоторая дисциплина, претендующая на статус научной, *должна* иметь в своем распоряжении конкретные способы получения и проверки знания об изучаемом объекте — в противном случае она будет неотличима от других форм опыта. В математике таким способом является доказательство, а в естественных науках — эксперимент.

Согласно неокантианским идеям о методологии, методы научного познания делятся на номотетический и идеографический, где первый служит для изучения повторяющихся феноменов *sub specie aeternitatis* и рассматривает их как каузальные, а второй — для изучения уникальных исторических феноменов, рассматривая их как телеологические, то есть имеющие цель [Windelband 1894]. Этому различению соответствует разделение на науки о природе и науки о культуре, или о духе [Риккерт 1998].

Вместе с отнесением к одному из регионов дисциплина одновременно приобретает эпистемологические ограничения и ресурсы, направляющие и частично определяющие развитие возможной методологии для изучения своего предмета. Эти ограничения и ресурсы не только придают форму методологии исследования, но и определяют возможные типы получаемых данных, извлекаемых из эмпирического мира. Например, личные письма респондентов и опыт наблюдения для символических интеракционистов¹ и числа, формулы и статистические данные для неопозитивистов.

1 Теория Риккерта сильно повлияла на методологию символического интеракционизма, развитую в работах Г. Блумера [Hammersley 2018].

Однако несмотря на то, что сегодня с легкостью можно найти примеры развития социологии в обоих из этих направлений, существуют попытки снятия проблемы ее отнесения к одному из регионов. Точнее, эта проблема снимается сама собой при постановке более глубокого вопроса — вопроса о нормативности научного метода. Такой вопрос ставит Дж. Ло [2015], говоря, что социальные науки не способны полно отразить действительность в силу ограниченности используемых ими классических методов — опроса, интервью, наблюдения и т. д. Из-за этого появляется необходимость пере-изобретения методов социальных наук на основе иной, анти-нормативной схемы. В то же время неполнота знания — это не специфическая характеристика эпистемологии социальных наук, а следствие необходимого превосходства мира над способностью человека его познать [Там же: 22].

172

Ло утверждает, что нормативность метода в социальной науке, выражающаяся в регламентированном характере исследовательских процедур, приводит к некорректному отображению мира. Это связано с тем, что научный метод способствует получению *определенных* типов данных из эмпирического мира, тем самым игнорируя любые другие типы данных и потенциально упуская «настоящее» знание. Для того, чтобы решить эту проблему, Ло предлагает использовать метод аллегории, который заключается в использовании любого доступного исследователю опыта — телесных ощущений, эмоций и т. д. — в качестве источника научного знания. Подобный метод устраняет эпистемологические ограничения, накладываемые классическими методами социальной науки. Эта позиция имеет в своем основании допущение о том, что мир является изменчивым и «текущим», и для его изучения необходимы такие же гибкие и «текущие» методы [Там же: 57].

Несмотря на то, что устранение эпистемологических ограничений, основанное на прагматистском неразличении практики и знания о ней, преследует цель более точного и аккуратного «схватывания» изучаемого мира, оно неизбежно приводит к невозможности получения достоверного знания. Это связано с тем, что метод в таком случае — это совокупность исследовательских процедур, релевантных конкретной ситуации, что означает отсутствие общего основания для изучения различных социальных феноменов. Социологическое знание в таком случае становится — точнее, остается — набором разношерстных *ad hoc* теорий, имеющих небольшое количество следствий и не обладающих всеобщностью, что означает высокую вероятность получения этих же или схожих следствий с помощью других теорий [Boudon 1972] и высокую недоопределенность теории данными.

Помимо *ad hoc*-структуры теорий, получаемых в результате использования релевантных каждой конкретной ситуации методов,

другая проблема заключается в ограниченности методов социальных наук чувственными и познавательными характеристиками исследователя. Метод аллегории, предлагаемый Ло, способен схватывать лишь то, что доступно исследователю в опыте, тем самым отбрасывая необходимость какой бы то ни было генерализации и формализации. Конечно, математическая формализация эмпирической проблемы также является доступной исследователю формой опыта. Однако отсутствие подобных попыток в работах самого Ло обусловлено тем, что в подобном опыте существует разрыв между практикой исследования эмпирической проблемы и теоретическим знанием о ней. Иначе говоря, математика — это внешний по отношению к эмпирической ситуации язык, использование которого нелегитимно в силу этнометодологического предписания познания ситуации из того, что в ней *уже* есть [Law 1975: 324].

Из этого можно сделать вывод, что если то, о чем говорит Будон, можно назвать контингентностью научного знания миру, при которой социологический метод сохраняет свою нормативность, то в случае Ло контингентность становится типом отношения между исследователем и объектом исследования. Иначе говоря, она «спускается» с уровня теории на уровень метода, при этом также оставаясь и на уровне теории. Теперь знание контингентно миру, а метод получения этого знания контингентен ситуации исследования. Подобное усиление контингентности играет злую шутку с первоначальной интенцией более точного «схватывания» мира в терминах самого этого мира. Вместо этого социологическое знание становится дважды неполным и, вероятно, еще менее научным.

Решить эту проблему можно, переосмыслив понятие и значение контингентности в социологическом исследовании. Сделать это можно, абсолютизовав ее подобно Мейясу [2015]. Однако сначала необходимо прояснить контекст возникновения и основные понятия теории научного метода Дж. Ло, а после этого приступить к рассмотрению поставленной нами проблемы.

Контекст проблемы метода

Проект теории социологического метода, или постметодологии [Кузнецов 2012], был развит Ло в рамках акторно-сетевой теории (actor-network theory, ANT), которая представляет собой обширную традицию, берущую свое начало в социологии научного знания [Law, Singleton 2000]. Акторно-сетевая теория — это семейство подходов в современной социальной теории, предложившее использование материальной семиотики для исследования социотехнических феноменов. Одной из основных целей проекта этой теории было переосмысление дихотомий реальности и конструкции и культу-

ры и природы [Астахов 2017: 24-25]. Подобная интенция потребовала перекраивания онтологии социального мира, куда теперь должны были быть включены нечеловеческие агенты (nonhumans).

Теория метода Дж. Ло появилась как один из вариантов решения «проблемы Иного», возникшей на раннем этапе развития акторно-сетевой теории — в начале 1990-х годов. Эта проблема заключалась, во-первых, в том, что сети — это сети стандартизации, которые не «видят» иных сигналов, кроме заданных [Star 1990], а во-вторых, в неясности факторов, отвечающих за «обрывание» и, соответственно, размер сети [Strathern 1996]. Иначе говоря, проблема состояла в том, что акторно-сетевая теория образца «Пастеризации Франции» [Latour 1988] была способна объяснить лишь то, как «сильные» акторы приобретают свой статус. Этот факт делает ее социологией власти, которая не уделяет достаточно внимания акторам и возможным проявлениям внесетевого, то есть, Иного. Подобная экспансионистская политика сети называется критиками «колонизацией Иного» [Lee, Brown 1994].

174

Ло и другие представители ANT, известные в российской рецепции как Ланкастерская ветвь [Вахштайн 2005], предприняли ряд попыток по концептуализации инаковости, которая обычно игнорировалась сетью. Они предложили решение, которое на самом деле глубоко парадоксально, поскольку смешивает в себе две противоречащих друг другу модели инаковости. Тем не менее, можно условно разделить эти модели инаковости, вшитые в решение Ло, на эпистемологическую и онтологическую [Шевченко 2019]. Последняя модель реализуется в социальной топологии [Law, 2002], а первая — в теории метода.

Приняв критику, Ло и его коллеги актуализировали так называемую «проблему различия». Она заключается в том, что различие «больше не является вопросом разницы взглядов на объект, но скорее задействованием [онтологически] разных объектов в разных сетях отношений и контекстах практик» [Law, Singleton 2005: 342]. Это также связано с тем, что традиционная акторно-сетевая теория, по мнению критиков, игнорировала проблемы расы, класса, гендера и прочие проблемы, так или иначе связанные с меньшинствами [Law 1990]. В свою очередь, знание теперь является не вопросом соответствия, отсылающим к корреспондентной теории истины, а вопросом манипуляции [Mol 2002]. Если реальность зависима от наших действий, то она производится непосредственно с ними и в них. Поэтому метод, как и онтология в целом, становится политичным [Ло, 2015: 69].

Чтобы дать голос Иному, нужно организовать метод так, чтобы он мог задействовать «молчаливые» реалии. Это означает, что задействуемое в социотехнических практиках реально, поскольку невоз-

можно отделить реалии, утверждения о них и практики, в которых они производятся, друг от друга [Там же].

Как замечает А. Мол, «...практики — это все, что у нас есть, ведь нет ничего над или под ними. Это способ отбросить “общее” и сконцентрироваться на “прагматическом”» [Mol, 1998: 163]. Из практик нет выхода, поскольку они представляют собой ассамбляжи и эффекты отношений объектов, субъектов, материалов и значений, которые буквально делают реалии, а изъять свою субъективность из процесса этого изготовления невозможно [Law, 2011: 12].

Реалии производятся и принимают определенную форму благодаря выбору, частичному наложению, удалению и ранжированию своих объектов [Ibid.: 7]. Соответственно, для последовательной деколонизации Иного, по мысли Ло, необходимо *выбирать* другие, «молчаливые» объекты. Конечно, выбор в данном случае не является, как часто подчеркивают Ло и его коллеги, актом волюнтаризма, поскольку он ограничен условиями возможности конкретной ситуации. Очевидно, что нормативность метода исследования, таким образом, переходит из регистра эпистемологии в регистр онтологии, а вопрос «кто наделен властью определять, что является реальным?» отходит на задний план, сменяясь вопросом «какие реалии нужно задействовать, учитывая, что реально все, что может быть задействовано?».

175

В основание теории метода Ло положена схема метафизики присутствия, основанная на трихотомии «присутствие — явленное отсутствие — Иное». Согласно этой схеме, присутствие — это объект или репрезентация, задействованная (enacted) «здесь-внутри» (in-here), то есть непосредственно наблюдаемая эмпирически; явленное отсутствие — значимый для присутствия контекст или процесс; Иное — то *необходимое*, но в то же время нерелевантное для присутствия в момент его изучения. Знание «там-вовне» (out-there) не независимо от исследователя, а задействуется им с учетом способа, или метода, этого задействования. Иначе говоря, ученый не открывает универсальные законы, а участвует в осуществлении (performance) мира.

В каждом конкретном случае социальный ученый имеет дело с объектом исследования, у которого есть отсутствие и Иное. В этом смысле объект — это «созданная версия сгущенного присутствия, которая принимает форму процесса или сущности, проистекающих из упорядоченной формы отсутствия и переделывающей ее» [Ло, 2015: 326].

Схема метафизики присутствия, положенная в основание этой новой перформативной эпистемологии социальных наук, служит легитимации двух идей: о безграничности инаковости и в то же время об ее упорядоченности в каждом конкретном эмпирическом

случае. Это означает, что любая изучаемая сеть способна учесть лишь релевантное и необходимое для нее Иное. Более того, подобная всегда-уже неполнота исследовательского объекта основана на идее, что ничто не дано *как такового*, что автоматически аннулирует саму возможность полного знания об объекте [Шевченко 2019].

Ло утверждает, что в классических методах социальных наук присутствие возможно лишь в ограниченном количестве строго определенных и стандартизированных форм, например, анкетного опроса, интервью или академической статьи. Пересборка методов социальных наук заключается в смещении границы между присутствием и Иным. Подобное смещение, по мысли Ло, могло бы помочь «схватить» изучаемый мир в его неоднозначности, множественности и неопределенности. Это возможно благодаря воплощению научного метода в различных формах¹. Здесь мы сталкиваемся с двумя упомянутыми ранее проблемами теории метода — удвоенной контингентностью и ограниченностью метода по своей форме, причем первая проблема производна от второй. Рассмотрим их в обратном порядке.

176

Обсуждая возможные варианты развития перформативной методологии, Ло предлагает ряд метафор: ослепление, упрощение, паттерн и резонанс. Изучаемые объекты и реалии «возникают из различия “правильных” и “неправильных” паттернов различий и сходств», тем самым деля все реалии на «сигналы» и «шум» [Ло, там же: 231]. Начиная этнографическое исследование, ученый вынужденно сталкиваемся с «ослеплением» — ситуацией, когда количество деталей превышает способность человека сфокусировать на них свое внимание и зафиксировать их [Там же: 232-236]. Методы изучения подобной комплексности неизбежно упрощают реальность, постепенно выделяя из нее повторяющиеся паттерны сходств и различий и придавая первым статус «правильных». В результате этого сигналы, не согласующиеся с выделенными паттер-

1 «Другие возможности (более или менее конвенциональные) сразу же приходят на ум: музыкальное исполнение, хирургия, спорт, физическая близость, игры, моделирование, архитектура, города, документальные и художественные фильмы, молитва, физическое упражнение, коллажи и коммутационные панели, танец, маска, вождение автомобиля, приготовление пищи, фланирование, скульптура, природные феномены всех видов, парки, ландшафты. И, несомненно, помимо этого, много чего еще. Все это изготовленные формы присутствия. Они *не должны* пониматься как аллегорические методы изображения, поскольку работают также по-другому и имеют другие функции. Но я считаю, что их *можно* трактовать как аллегорические методы». [Ло Дж. Указ. соч., С. 300-1]

нами, переносятся в зону умолчания. Кроме этого, метод не только обнаруживает, но и усиливает ту или иную реалью.

Далее, если «из практики нет выхода», то все возможные способы изучения мира, доступные социальному ученому, напрямую связаны с его чувственными и познавательными способностями. Это означает, что определение паттернов сходств и различий — субъективная процедура, поскольку разные ученые в разных эмпирических ситуациях могут получать — и задействовать — разное знание.

В связи с этим происходит упомянутое «удвоение» контингентности — она перестает быть только характеристикой получаемого научного знания и вместо этого становится типом отношения между ученым, объектом и знанием о нем, тем самым кроме эпистемологической становясь еще и онтологической. Соответственно, онтологическая нормативность метода служит логическим следствием «удвоения» контингентности. Теперь ученый несет ответственность перед миром за используемые способы и методы исследования. Это предполагает, что он будет не только использовать релевантные ситуации методы, но и выбирать, какие из них более предпочтительны.

В таком случае социология из дескриптивной дисциплины становится нормативной, — онтологически нормативной — а это почти эксплицитный отказ от познания мира, какой он есть на самом деле, без участия в нем человеческой субъективности. В этом смысле ANT и теория метода как ее часть отказываются «от метафизического предписания познать ноуменальное, избавляясь от эпистемологического различия между явлением и реальностью» [Брассье, 2017: с. 234]. Согласно Брассье, антропоморфическая близорукость — диагноз теории метода Ло, поскольку последняя сводит эпистемологию к онтологии, а онтологию — к политике, а это основной ее симптом [Там же, с. 240]. Чтобы решить эту проблему, нужно переопределить понятие контингентности, обратившись к проблеме возможности мышления об Абсолюте.

Контингентность между онтологией и эпистемологией

Коперниканская революция в мышлении, совершенная Кантом и состоящая в том, чтобы не познание согласовывалось с объектом, но объект — с познанием, является реакцией на децентрализацию мышления, осуществленную открытиями Коперника и Галилея [Мейясу 2015]. Эта революция — не коперниканская, а птолемеевская по своей сути, поскольку устраняет любую возможность познания Абсолюта, находящегося за пределами мышления. На основании этого Мейясу выделяет и группирует философские системы,

запрещающие возможность мышления о ноуменальном под общим названием корреляционизма, то есть, позиции, согласно которой «в бытии нет ничего, что не было бы некоторым типом отношения-к-миру» [Там же: 50]. В основе корреляционизма лежит аргумент «Перла», который можно представить следующим образом: «*Невозможно совершить X, если не выполнено Y, необходимое условие для осуществления X*» [Брасье 2017: 247]. Иначе говоря, для того, чтобы помыслить что-либо, оно должно быть так или иначе дано. Именно это происходит в теории метода Ло в виде ограниченности форм возможного присутствия — ситуативности методов исследования и чувственных и познавательных способностей ученого.

В терминах Мейясу теория метода Ло опирается на абсолютизацию корреляции между сознанием и миром. Для такой корреляции характерен отказ не только от возможности достоверного знания о ноуменальном, но и от возможности его мыслимости. Это мы и видим в теории Ло: Иное может быть только почувствовано и прочувствовано, но не описано на языке социологии, поскольку такой язык — это доминирующая форма присутствия, использование которой нелегитимно.

178

Заметим, что мысль Ло о «текучести» мира, легитимирующая ситуативность и контингентность знания, является лишь допущением, поскольку это свойство мира *явлено в опыте*, то есть, не необходимо: «... (социальной) науке кроме прочего следует попытаться создать и познать неуловимые и неопределенные реалии, *потому что значительная часть мира реализуется именно так*» [Ло 2015: 37]. Знание о «текучести» мира ровно так же контингентно миру, как и знания, полученные в результате исследования этого мира онтологически нормативным методом Ло.

Чтобы описывать социальный мир таким, какой он есть, не делая допущений, влияющих на методологию исследования, необходимо минимизировать контингентность. Это означает не только устранить онтологическую контингентность на уровне метода, но также и эпистемологическую контингентность научного знания миру на уровне теории. Сделать это можно, как это ни парадоксально, лишь конвертировав ее в онтологическую необходимость, то есть абсолютизовав ее. Однако прежде стоит заметить, что Мейясу, обсуждая контингентность, говорит о ней как о *возможности сущего*, то есть в онтологических терминах. В связи с этим может создаться впечатление, что его решение не релевантно проблеме социологического метода. Однако это не совсем так.

Чтобы проиллюстрировать это, достаточно показать, что контингентность сущего является единственной реальной необходимостью, то есть Абсолютом, а это, в свою очередь, имеет прямые следствия для эпистемологии науки о социальном. Мейясу также

называет эту контингентность «гипер-Хаосом», имея в виду, что она есть *чистая возможность*. В связи с этим он выделяет два вида контингентности: эмпирическую и абсолютную. Первая приписывается тому, что может произойти или не произойти, «не противореча при этом инвариантам языка и представления, посредством которых нам дан мир» [Там же: 53]. Вторая «отсылает к сущностной невозможности установить, необходимы ли они [инварианты] или являются контингентными» [Там же].

Ключевое отличие между двумя видами контингентности заключается в их отношении к тотализации, то есть к ситуации, в которой множество возможного замкнуто. Первый из них — эмпирический — это так называемая «возможность по незнанию». Он основан на распространении вероятностного рассуждения с эмпирического случая, например, броска кости, которая постоянно выпадает одной и той же стороной, на вселенную в целом, и руководствуется принципом «то, что равно мыслимо, равно возможно» [Там же, с. 141]. В философии науки мы знаем это как «индуктивную генерализацию» [Sayer 2002: 99-103]. Соответственно, кость, постоянно выпадающая одной и той же стороной, дает основание считать такое положение дел необходимым, поскольку оно происходит *чаще* остальных возможных. Это означает, что подобное рассуждение основано на тезисе о частотности, согласно которому у того, что происходит чаще, есть на это причина и необходимое основание. Однако вероятностное рассуждение имеет смысл исключительно в случае рассмотрения всего возможного как некоей числовой тотальности, то есть как замкнутого множества — множества Всего.

179

Ход, который Мейясу предлагает сделать и тем самым перейти ко второму виду контингентности, опирается на теорему Кантора о кардинальности множеств, согласно которой любое множество менее мощно, чем множество всех его подмножеств. Иначе говоря, второй вид контингентности — чистая возможность — обеспечивается не-тотализацией того, что возможно. Иначе говоря, необходимо рассматривать бросаемую кость как имеющую бесконечное количество сторон, поскольку это будет обеспечивать абсолютную возможность выпадения любого трансфинитного числа. Онтологически это означает, что необходимо, чтобы любое сущее могло быть другим, то есть, Абсолют — это не то, что есть, но то, что *может быть*.

Обе контингентности Ло (метода — ситуации и знания — миру) относятся к первому виду, поскольку не противоречат инвариантам языка и представления, в которых социальный мир дан ученому. Метод Ло должен высвечивать Иное, которое можно «схватить» только благодаря тому, что уже есть у ученого — его телу, языку и навыкам. Они инвариантны в том смысле, что из практики, частью

которой они являются, нет выхода и, соответственно, изъятие субъективности из процесса познания невозможно.

Мейясу называет подобную проблему синхроничностью познания и указывает на то, что для мышления абсолютно возможного необходима диахроничность, то есть способность науки мыслить о предмете своего изучения так, как если бы он существовал независимо от человека — до или после корреляции мышления и мира. Эта диахроничность может быть обеспечена математикой и ее инструментами, поскольку эта дисциплина изучает свойства объектов, независимые от их восприятия и осмысления человеком.

Важный момент заключается в том, что в математизации в таком случае нуждается сама теория, а не только и не столько применяемые методы как, например, сетевой анализ [Wasserman, Faust 1994]. Подобные попытки развиваются в математической и аналитической социологии [Coleman 1990, Farago 1992, Hedstrom 2005], а также в философии социальной науки [Gintis, Helbing 2013]. Если в первом случае предлагается выстроить социологическую теорию на основе теории рационального выбора, то в последнем — на основе поведенческой теории игр, редуцировав социальную онтологию к стратегическому взаимодействию индивидов. Оба подхода имеют много сторонников, но критикуются за «нисходящий» (top-down) подход к построению теории, при котором эмпирические данные вписываются в ограниченную теоретическую рамку, тем самым игнорируя причинные механизмы, ответственные за социальные феномены [Kaidesoja et al. 2019]. Это означает, что даже если математизация социологической теории — логически верный ход с точки зрения преодоления трудностей теории метода Ло, сама по себе она не является панацеей и нуждается в детальном анализе и обсуждении.

180

Заключение

Данная работа направлена на переосмысление теории метода социальной науки Дж. Ло, которая предлагает считать легитимным научным методом любой телесный или чувственный опыт ученого. Несмотря на реалистическую интенцию познать мир в его изменчивости и «схватить» его более четко и аккуратно, теория метода Ло утверждает, что существует все, что может быть задействовано, или «учреждено», в практике. Соответственно, для осуществления подлинно реалистического изучения социального мира необходимо изъять субъективность из процесса познания, что возможно с помощью математики. У подобного теоретического решения есть несколько импликаций.

Во-первых, если объективное знание о «в-себе» социального возможно только математически, то это вновь поднимает вопрос

социальной онтологии, или элементарной единицы социального. Современная дискуссия строится вокруг разновидностей онтологического индивидуализма, утверждающего, что свойства социальных групп редуцируются к свойствам входящих в них индивидов [Currie 1984, 1988; Sawyer 2002; Pettit 2003], однако недавно это было поставлено под сомнение [Erstein 2015].

Во-вторых, даже в отсутствие консенсуса касательно элементарной единицы социального математизация может быть не осуществлена до сих пор просто в силу отсутствия или недостаточного развития релевантных математических инструментов. В этом смысле примечателен пример Леви-Стросса и его последователей, применивших математику к этнологии для формализации структур родства [Леви-Стросс 1985; Boyd 1979]

В-третьих, и это самое главное, математизация социологии подразумевает дисквалификацию любых методов, основанных исключительно на опыте, то есть, все, что предлагал Ло. То есть она не только вводит запрет на эпистемологический либерализм, характерный для теории метода Ло, но и отстаивает нормативность и строгость научного метода. Подобный подход призван помочь ей стать наукой с большим количеством теоретических следствий.

Библиография / References

Астахов С. (2017) *Проблема контингентности в акторно-сетевой теории*: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук: 09.00.01. — Москва.

— Astakhov S. (2017) *The problem of contingency in actor-network theory*: dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences: 09.00.01. — Moscow.

Брассье Р. (2017) Понятия и объекты. *Logos Journal*, 27(3).

— Brassier R. (2017) Concepts and objects. *Logos Journal*, 27 (3).

Вахштайн В. (2005) Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потoki» в акторно-сетевой теории. *Социологическое обозрение*, 4(1).

— Vakhshayn V. (2005) The return of the material. “Spaces”, “networks”, “flows” in the actor-network theory. *Russian Sociological Review*, 4 (1).

Кузнецов А. Г. (2013) Парадигма Латура: история одного предательства социального конструктивизма в исследованиях науки и технологий. *Векторы развития современной России: “границы” в социальных науках*: 62-74.

— Kuznetsov A. G. (2013) Latour’s paradigm: the story of one betrayal of social constructivism in science and technology research. *Development vectors of modern Russia: “borders” in the social sciences*: 62-74.

Леви-Стросс К. (1983). *Структурная антропология*. Москва.

— Levi-Strauss C. (1983). *Structural Anthropology*. Moscow.

Ло Дж. (2015). *После метода: беспорядок и социальная наука*. М.: Издательство Института Гайдара.

— Law J. (2015). *After Method: Disorder and Social Science*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House.

Мейясу К. (2015) *После конечности: Эссе о необходимости контингентности*. Екб: Кабинетный ученый.

— Meillassoux, C. (2015) *After the Limit: An Essay on the Need for Contingency*. Ekb: Cabinet scientist.

Риккерт Г. (1998) *Науки о природе и науки о культуре* — М.: Республика.

— Rickert G. (1998) *Nature sciences and cultural sciences* — М.: Republic.

Розов Н. (2008). Спор о методе, школа Анналов и перспективы социально-исторического познания. *Общественные науки и современность*, (1), 145-155.

— Rozov N. (2008). Dispute about the method, the school of the Annals and the prospects for socio-historical knowledge. *Social Sciences and Modernity*, (1), 145-155.

Шевченко В. (2019) Конфликт моделей инаковости в акторно-сетевой теории Джона Ло. *Социология власти*, 2.

— Shevchenko V. (2019) Conflict of models of otherness in the actor-network theory of John Law. *Sociology of Power*, 2.

182

фон Нейман Д., Моргенштерн О. (1970) *Теория игр и экономическое поведение*. М.: Наука.

— von Neumann D., Morgenstern O. (1970) *Game theory and economic behavior*. М.: Science.

Boudon, R. (1972) On the underlying epistemology of some sociological theories and on its scientific consequences. *Synthese*, 24(3-4), 410-430.

Boudon, R. (1981) *The crisis in sociology: problems of sociological epistemology* — Springer.

Boyd J.P. (1979) The universal semigroup of relations. *Social Networks*, 2(2), 91-117.

Currie, G. (1984). Individualism and global supervenience. *British Journal for the Philosophy of Science*, 35, 345-358.

Currie, G. (1988). Realism in the social sciences: Social kinds and social laws. In R. Nola (Ed.), *Relativism and realism in science* (pp. 205-227). Dordrecht: Kluwer

Edling, C. R. (2002) Mathematics in sociology. *Annual review of sociology*, 28(1), 197-220.

Gintis, H., & Helbing, D. (2013). Homo socialis: An analytical core for sociological theory. Available at SSRN 2362262.

Hammersley M. (2018) *Routledge Revivals: The Dilemma of Qualitative Method (1989): Herbert Blumer and the Chicago Tradition*. Routledge.

Hedstrom, P. (2005). *Dissecting the social: On the principles of analytical sociology*. Cambridge University Press.

Latour B. (1988) *The Pasteurization of France*. Cambridge, MA: Harvard University.

Law J., Singleton V. (2000) Performing technology's stories: On social constructivism, performance, and performativity. *Technology and Culture*. — Т. 41. — №. 4.

- Law J. (1975) Is epistemology redundant? A sociological view. *Philosophy of the Social Sciences*, 5(3), 317-337.
- Law J. (1991) Introduction: monsters, machines and sociotechnical relations. Law J. (Ed.) *A sociology of monsters: Essays on power, technology, and domination*. Routledge.
- Law J. (2002) Objects and spaces. *Theory, culture & society*, 19(5-6), 91-105.
- Law J. (2011). Collateral realities. *The politics of knowledge* №157.
- Lee N., Brown S. (1994) Otherness and the actor network: the undiscovered continent. *American Behavioral Scientist*. — Т. 37. — №. 6. — С. 772-790.
- Mol A. (1998) Missing links, making links: the performance of some atherosclerosis. Mol A., Berg D. (Eds.) *Differences in medicine: Unravelling practices, techniques and bodies*.
- Mol A. (2002) *The body multiple: Ontology in medical practice*. — Duke University Press.
- Pettit, P. (2003). Groups with minds of their own. In F. F. Schmitt (Ed.), *Socializing metaphysics. The nature of social reality* (pp. 167-194). Lanham: Rowman & Littlefield.
- Sawyer, R. K. (2002). Nonreductive individualism part i: Supervenience and wild disjunction. *Philosophy of the Social Sciences*, 32, 537-559
- Star S. L. (1990) Power, technology and the phenomenology of conventions: on being allergic to onions. *The Sociological Review*, 38(S1), 26-56.
- Strathern M. (1996) Cutting the network. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. — p. 517-535.
- Wasserman, S., & Faust, K. (1994). *Social network analysis: Methods and applications*
- Windelband W. (1894) *Geschichte und Naturwissenschaft* — Strassbourg.

Рекомендация для цитирования:

Шевченко В. С. (2021) После метода — только гипер-Хаос: ограничения теории социологического метода Джона Ло. *Социология власти*, 33 (4): 169-183.

For citations:

Shevchenko V. S. (2021) After Method there is only Hyper-Chaos: limitations of J. Law's Theory of a Social Science Method. *Sociology of Power*, 33 (4): 169-183.

Поступила в редакцию: 14.10.2021; принята в печать: 10.11.2021

Received: 14.10.2021; Accepted for publication: 10.11.2021